

СВОБОДА В "ЗАКРЫТОМ" ГОРОДЕ

Рос. мюз. газета. — 1997. — № 7-8 — с. 7

"Когда меня не будет, вы поймете, что я был не самый плохой режиссер". Эту коронную фразу замечательного мастера русской оперной режиссуры Льва Дмитриевича Михайлова часто вспоминают работавшие с ним актеры и музыканты. Особенно в такие вот жаркие летние дни. Он родился 6 июня 1928 года, умер 30 июля 1980-го, через два часа после генеральной репетиции своего последнего спектакля в Музыкальном театре имени Станиславского и Немировича-Данченко — оперы Гершвина "Порги и Бесс". Когда в редакцию поступил материал об одной из первых, сибирских еще "звездных" постановок Л. Д. Михайлова, мы решили, что ждать предстоящего в будущем году юбилея Мастера не стоит. И не только потому, что Л. П. Солнцева была соавтором Михайлова в создании русского текста оперы Л. Яначека. Просто слишком часто мы прибегаем к спасательной французской формуле "лучше поздно, чем никогда". Но для памяти понятия "поздно" и "рано" одинаково пусты. Потому что она — вечна.

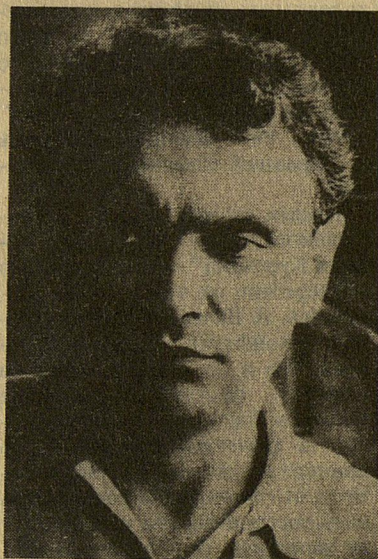
"Как благодарен я Леву Яначеку за то, что он написал оперу "Ее падчерица"! — сказал на прощание коллективу Новосибирского театра оперы и балета директор Пражского Национального театра Богумил Желенский. Сказал полусерьезно, в ресторане аэровокзала, куда был приглашен из-за задержки самолета. Свой тост он продолжил так: "Если б Яначек не написал эту оперу, а ваш Лев Михайлов не отважился бы поставить ее вместе с вами, я никогда не попробовал бы вашего замечательного борща!"

Было это весной 1958 года. Москва жила ожиданием Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Новосибирск же дружно гордился строительством Академгородка и новым театром на центральной площади. Спектакль "Ее падчерица" открывал русской сцене оперное творчество великого чешского композитора и был приурочен к 30-летию со дня смерти Яначека. Изюминкой спектакля было и то, что ставил его тридцатилетний, но уже главный режиссер, а оформлял тоже молодой и тоже главный художник Пражского Национального театра Йозеф Свобода. Большим событием для "закрытого" города стал приезд на премьеру зарубежных гостей: Бено Блахута, первого тенора Пражского Национального театра, и "протестиро-

ванного" выше его директора. Музыкальный критик И. В. Нестьев, специально приезжавший на премьеру, написал в журнале "Советская музыка" о новом слове в музыкальной культуре страны. Но путь к этому "слову" был непростым.

...Я с энтузиазмом занималась театральной культурой Чехословакии и очень хотела, чтобы у нас о ней знали как можно больше. Михайлов искал новый яркий материал, в котором бы еще полнее могло раскрыться дарование замечательной певицы, народной артистки России Лилии Мясниковой. Я "болела" за чешский театр и родной Новосибирск, Михайлов — за свой Новосибирский театр и высокое искусство оперы. Этого оказалось вполне достаточно, чтобы взяться за работу. На протяжении полутора лет я высылаю из Москвы в Новосибирск страницы перевода. Михайлов укладывал в ритмо-мелодические формулы Яначека крестьянскую речь персонажей (композитор построил свое произведение на интонациях говоров Моравии). Пришлось поработать и вдвоем, бок о бок. А потом — появился Свобода. ...Я подружилась с ним в Праге. Его спектакли отличались лаконизмом и необыкновенной изобретательностью. В свои тридцать восемь он был уже знаменит. Сегодня твор-

чество Йозефа Свободы — поэта пространства и света, создателя (вместе с режиссером Альфредом Радоком) Латерны Магии, светового занавеса и множества других открытий сценографии XX века — известно всему миру. В центральном зале последней международной выставки театрально-декорационного искусства — Пражской квадриеналле — целая экспозиция была посвящена работам Свободы в связи с его 75-летием. К этому времени он был автором более 700 спектаклей лучших театров мира. Но впервые за рубежом он дебютировал именно в Новосибирском театре оперы и балета. Добавлю, что и первая его персональная выставка также прошла в СССР, в Москве. Мы, молодые театроведы, обратились к нему с личной просьбой, и он — без всяких официальных договоров — в 1960 году прислал пятьдесят замечательных фотографий своих спектаклей, а мы раз-

весили их в залах ВТО и даже выпустили каталог. Эта наша самостоятельность обнаружилась лишь однажды. В 58-м, во Внукове, молодой пограничник в погонах взял в руки его паспорт и вдруг с удивлением спросил: "Как же это Вы попали в Новосибирск? Ведь это закрытый для иностранцев город!...". Мы переглянулись с небольшими удивлением...

Свобода и Михайлов должны были встретиться — и встретились.

— Льва Дмитриевича Михайлова я впервые увидел на аэродроме в Новосибирске в 1958 году, — вспоминал позднее Свобода. — Тогдашний Новосибирск меня покорила, заставив вспомнить юношеские мечты о Сан-Франциско. За густым лесом подъемных кранов вставали ровными рядами многоэтажные кварталы. Город жил

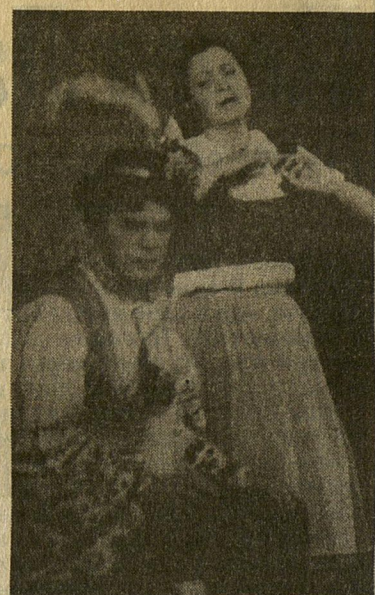
делами первооткрывателей, в нем ощущалось дыхание будущего. Импоантный театр вмещал две тысячи зрителей, зеркало сцены достигало восемнадцати метров в ширину. Как только я увидел все это, понял: если не сумею найти с режиссером общий язык, общее решение спектакля, то второй акт "Ее падчерицы" (в изде Дьячихи) обречен. Пикантность ситуации состояла в том, что на всю работу у меня оставалась неделя: из-за болезни я опоздал с приездом.

Действительно, Свобода прилетел сразу после операции. Все в театре ждали, что он придет с эскизами, чуть ли ни с готовым макетом. А он явился... с пустыми руками. В первый же день осмотрел сцену, облазил все закоулки и стал думать.

— Стало ясно, — рассказывал Михайлов, — что перед нами большой знаток сцены и ее техники. Начались разговоры о композиторе, о главной мысли, о своеобразии произведения. Художник больше слушал, чем говорил, а сам на длинном рулоне кальки, точно кадры кинофильма, рисовал все новые и новые варианты. В первый день — больше двух десятков, потом количество их неуклонно росло. Если развернуть всю ленту, можно было увидеть, как рождалась мысль художника...

— Уже при первом разговоре с режиссером исчезли все мои опасения. Было ясно: мы друг друга поймем. Ритмы первооткрывателей, характерные для жизни города, отличали и жизнь театра. Первый раз в жизни я увидел столь слаженную работу всех служб, подчиненных единой цели — высокому уровню искусства. Режиссерский анализ произведения был так точен, интерпретация самобытна и содержательна, видение столь выразительно, что мы скоро стали понимать друг друга с полуслова и сценическое воплощение второго действия, которое я считал весьма твердым орешком, мы придумали совместно. По моему мнению, Михайлов осуществил одну из лучших в мире постановок "Ее падчерицы"...

Михайлову и Свободу пришлось преодолевать немало штампов, исходивших из подробного описания места действия, обычаев деревенской среды, сделанных автором пьесы Габриэлой Прейссовой, которая после успеха оперы Яначека написала еще и одноименный роман. Все предшествовавшие постановкам "Ее падчерицы" отличала этнографическая точность в интерьерах, костюмах, перегруженность красочными деталями. Свобода создал мужественные, жизненно точные и вместе с тем новаторские декорации. Он открыл, заставил "работать" всю глубину огромной сцены театра, ранее использовавшуюся лишь в балетах. Черная наклонная рама портала вырезала беспредельно глубокое небо, вздыбленную землю, холмы и дороги Моравии. Они вели в самую глубь сцены, направляя движение масс

хора. Воздух спектакля был насыщен цветом и светом. Оранжевое свечение неба, резкое белое пятно мельницы, коричнево-красная земля создавали то драматическое напряжение, которого требует музыка Яначека. Судьба Дьячихи с ее любовью к падчерице Енуфе, желанием спасти ее от "срама" незаконнорожденного ребенка в новосибирском спектакле решалась как трагическое заблуждение пельной личности, изуродованной религиозным фанатизмом. Лидия Мясникова, которую в Новосибирске называли "сибирским Шаляпиным в юбке", создала характер, родственник могучим женским образам Островского (Кабаня) и Горького (Васса Железнова). В финале, в сцене покаяния Дьячихи перед народом, певица достигала высот античной трагедии... Ее успех по праву разделяли и другие певицы. Исполнители основных партий оперы были приглашены в Чехословакию, в театры Брно и Праги.

На новосибирскую премьеру "Ее падчерицы" откликнулся и Большой театр СССР, где в то время работал прекрасный чешский дирижер Зденек Халабала. Через год на сцене филиала ГАБТ под его руководством состоялась столичная премьера оперы Яначека. Вся постановочная группа приехала из Праги. Однако те, кому удалось посмотреть оба спектакля (новосибирцы показали "Ее падчерицу" во время гастролей театра в Москве), — не задумываясь, отдавали предпочтение сибирякам.

Еще через год Лев Михайлов пришел в Музыкальный театр им. Станиславского и Немировича-Данченко. Через десять лет после новосибирской премьеры "Ее падчерицы" Михайлова-Свободы советские танки вошли в Прагу. А умер Лев Михайлов в 80-м, под шум Московской олимпиады, в тени шокировавшей России кончины Владимира Высоцкого...

Л. СОЛНЦЕВА.
На снимках: Лев Михайлов и Лариса Солнцева за переводом; Йозеф Свобода; сцена из оперы "Ее падчерицы" (справа — Л. В. Мясникова).